

М. В. СТРОГАНОВ

СТИХ И ПРОЗА В ТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ПУШКИНА

Рассматривая соотношение стиха и прозы в процессе создания одного произведения, я не могу не обратить внимание одновременно и на то, что это соотношение оказывается различным в разные периоды творчества автора. Но это для меня не самоцель. Как историк литературы, я прибегаю к этому материалу для того, чтобы определить статус некоторых черновиков Пушкина и проблеме экспонирования их в собраниях его сочинений. Теоретические проблемы интересуют меня так же, как каменщика-строителя интересует качество подаваемого ему раствора.

Качество же теоретической проблематики оказывается совершенно неудовлетворительным. Еще с детских лет знаю, что, как говаривал Киплинг,

... проза есть проза, а стих есть стих, и с мест они не сойдут.

Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд¹.

Между тем в ряде последних работ наличие таких форм, в которых проза симулирует стихотворчество, а стих симулирует прозосложение, понимается как продуктивная тенденция современной литературы, которой и суждено будущее (очевидно, светлое)². Видать, пришли последние времена.

Однако совершенно очевидно, что всякие забегания в пограничные области напоминают игру с огнем, возможную только тогда, когда от огня, подбежав к нему близко, можно все же спастись, укрывшись в безопасное место — в чистый стих или в чистую же прозу; иначе — останься в зоне их конфликта — сгоришь. Это теоретико-лирический пассаж кажется мне все же необходимым, хотя я не теоретик, а историк. Меня на тему данного выступления натолкнул следующий факт.

В статье «Замысел и план (Из наблюдений над рукописями Пушкина)»³, анализируя разные формы планов поэта для сочинений в прозе повествовательной и критико-эссеистической, в драматическом роде и повествовательных стихах, С. А. Фомичев говорит и о «*прозаических программах*» предполагаемого, трудно дающегося стихотворного текста»⁴. Сначала он приводит план письма Татьяны Лариной из «Евгения Онегина», и это не вызывает удивления. Письмо написано было по-французски, это документ, чужая речь, вставленная в роман, ее нужно перевести на русский язык и — стихами. Здесь без плана просто не обойтись. То же — с ответом Онегина Татьяне, который так же произнесен был на французском языке, хотя в романе это и не оговорено: но «сельская свобода», которая в числе своих преимуществ допускает, например, чтобы барышня встречалась с молодым мужчиной в саду без присмотра со стороны, никак не может распространиться так широко, чтобы этот молодой человек забылся настолько, что на французское письмо барышни ответил ей по-русски⁵.

Но если наличие прозаических программ вполне естественно в повествовательных стихах⁶, то план для чисто лирического стихотворения просто не представим. Между тем С. А. Фомичев пишет: «Такие программы для особенно ответственных кусков стихотворного текста довольно часто встречаются в черновиках Пушкина (...). Эти программы возникают в случаях затруднения отчетливо выразить поэтическую мысль и сразу же реализуются в стихах»⁷.

Простая логика подсказывает два возражения:

- 1) Не можешь в стихах — пиши прозой!
- 2) Ряд приводимых С. А. Фомичевым примеров относится еще к тому периоду, когда Пушкин вообще лучше слагал стихи, а не прозу!

Но я спорю не с одним С. А. Фомичевым, а с давней и долгой традицией.

Рукопись, которая теперь печатается как нижние слои одной зачеркнутой стихотворной строки «Но вы во мне почтили годы» III, 1056— 1057), проинтерпретирована М. А. Цявловским как «план какого-то задуманного произведения в стихах»⁸. Он же полагал, что текст «Prologue», несомненно, представляет собой программу стихотворения»⁹. Этот же текст Б. В. Томашевский опубликовал в «своем» собрании сочинений в основном тексте, сопроводив его таким замечанием: «План вступительной части стихотворения...»¹⁰. Ладно Цявловский, он не стиховед, но Томашевский — автор работ о стихе!...

Что Томашевский?! Вот формалисты, куда уж они требовательны были к внешним параметрам текста, и то повторяют эти слова! Ю. Н. Тынянов, пожалуй, лучше всех знавший, что проза есть проза, а стих есть стих, и лучше всех обозначивший в свое время границу между ними, и тот сказал, что «анализ его (Пушкина — М. С.) прозаических планов и программ для стихов указывает, что этой пропасти (между черновым планом и чистовым стихом. — М. С.) и не существует. Пушкин намечает в планах и программах **о п о р н ы е** фразовые пункты, выпуская между ними то, что представляется дальнейшему развитию стиховой речи»¹¹.

Надо, впрочем, отметить, что, в отличие от Тынянова, его соратник по литературной борьбе Б. М. Эйхенбаум в статье 1923 года «Путь Пушкина к прозе» решал вопрос иначе и вернее: «...для Пушкина это были совершенно различные формы художественной речи, так что законы, действующие в пределах одной из них, не подходят для другой»¹². Следуя Эйхенбауму, нельзя для стихотворного (тем более для собственно лирического) текста написать план прозой.

Приступим теперь к анализу самого материала.

Впервые проза появляется в черновых набросках лирических стихотворений Пушкина в 1821 году в работе над посланием «(Вяземскому)» («Язвительный поэт, остряк замысловатын»), где среди стихотворных строк появляется проза: «Поведай мне тайну сме <ха> <?> Я проклинаю <нрзб.> я бешусь Гше когда б я мог во<?> след <?> Измайлову но я <нрзб.>» (II, 680]. В реконструкции первой редакции текста аналогичный мотив выглядит так:

Будь мне наставником в насмешливой науке,

Едва лукавый ум твой поимает звуки,

Он рифму грозную невольно затвердит,

И память темное прозвание <сохранит> <?>

<.....>

А шутку не могу придумать я такую,

Как только отослать Толстого к <----->

И в глупом бешенстве кричу я наконец

Хвос <тову>: ты дурак — а Стурдзе: ты подлец

(II, 680, 681).

Однако ряд словосочетаний в прозаическом наброске имеет отчетливо выраженное ямбическое строение:

Я проклинаю

Поведай мне

Еще б когда я мог

Измайлову но я.

Все это — явные зачины шестистопного ямба. И поскольку черновик читается с очень большим трудом, едва ли можно однозначно решить: прозаический ли это план, либо это наброски полустуший ямба...

Впрочем, в том же 1821 году в черновых автографах стихотворения «Наполеон» и в 1822 году — в черновиках «Тавриды» появляются собственно прозаические тексты, которые иначе, как планы стихов, интерпретировать нельзя. Но если план «Наполеона» ритмически совершенно противопоставлен стиху (он практически не метризован, за исключением одного лишь фрагмента: «Народы спрашивают Тот ли» (II, 707) — четырехстопный ямба, как и во всем стихотворении)¹³, то с «Тавридой» дело обстоит сложнее.

Текст, который условно называется «планом»¹⁴, звучит так: «Страсти мои утихают, тишина цар <стует> (?> в душе моей — ненависть, раскаянье все исчезает — любовь одушевл <ение> (?>» (II, 758]. Этот прозаический текст распадается на четыре ритмически организованных синтагмы:

Страсти мои утихают, (ЗД)

тишина цар <ит> в душе моей — (5Х)

*ненависть, раскаянье все исчезает — (4Д с наращением
в первой стопе)*

любовь одушевл <енье> (ЗЯ)

Очевидна тенденция к метризации текста, который трудно считать планом для следующих стихов:

Ты вновь со мною, наслажденье;

⊥ Δ В душе ⊥ Δ утихло мрачных дум

Однообразно волненье!

Воскресли чувства, ясен ум.

Какой-то негой неизвестной,

Какой-то грустью полон я... (II, 256].

То, что называется «планом», и то, что печатают как последнюю редакцию стихов, представляет в известной мере эквивалент друг другу. Это, скорее, две различным образом метрически организованные формы некоторого изначально единого содержания. Пушкин пытается выразить состояние своего героя в столкновении стиха и прозы, извлекая из этого столкновения дополнительные художественные эффекты.

Это обращение Пушкина к разного рода соединениям стиха и прозы связано, очевидно, с общеромантической тенденцией смещения жанров. В русской литературе аналогичные тенденции мы находим у А. А. Бестужева и Н. А. Бестужева (особенно в повести «Гуго фон-Брахт») — у братьев-декабристов

ритмизированная проза, у К. Н. Батюшкова — соединение стиха и прозы¹⁵. В европейских литературах примеров еще больше. У В. Блейка в «Бракосочетании рая и ада» — соединение стиха (верлибра) и ритмизированной прозы. У С. Т. Кольриджа в «Сказании о Старом Мореходе» — это соединение стиха (в основном, это речь Морехода) и прозы (авторское изложение событий, авторская точка зрения). У Ф. Гельдерлина — ритмизированная проза в «Гиперионе». У Новалиса в «Гимнах к ночи» — свободные и практически не мотивированные сочетания прозы (достаточно ритмически подвижной в силу особенной эмоциональности) и стиха. Можно привести еще ряд примеров, но и этих, кажется, достаточно, чтобы понять, что соединение прозы и стихов в «Тавриде» могло быть сознательной тенденцией, очевидно, вписывающейся в рамки общеевропейской традиции.

В эти же годы Пушкин прибегает и к еще одному сочетанию стиха и прозы, хотя и довольно специфическому: он соединяет, например, французский прозаический перевод байроновского «Гяура» и русский стихотворный перевод тех же строк («Из Байрона») («Нет ветра — синяя волна...» — 1822; II, 990), русский прозаический буквальный перевод церковно-славянского текста библейской книги «Песнь Песней царя Соломона» и русский перевод в стихах («В крови горит огонь желанья...», 1825; II, 974—975)¹⁶. Несколько позднее Пушкин использует тот же прием при работе над текстом стихотворения «То было вскоре после боя...»: здесь сначала дан прозаический перевод фрагмента из байроновской поэмы «Мазепа»: «Власть и Слава изменили подобно людям, их суетным поклонникам — перешли на сторону торжествующ *его* царя», — а затем стихотворный эквивалент его:

*То было вскоре после боя
Как Ш. *⟨астье⟩* бросило Героя —
И рать побитая — кругом
Лежала в [боевом]
————— Полтава
[Перебежали] Власть и Слава
Как их поклонник род людской (III, 1064)¹⁷.*

Таким образом, и эти примеры вряд ли можно рассматривать как соединение стиха и прозы — плана и текста его, но как разные стадии перевода с малознакомого языка.

Одновременно у Пушкина формируется и иная тенденция: со — / противопоставление стиха и прозы, поэтического текста и примечаний. Помимо поэм, описанных Ю. М. Лотманом¹⁸

укажу также на наброски примечаний к стихотворениям «К Овидию» (1821; II, 728], «Песнь о вешем Олеге» (1822; II, 741), «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824; II, 846, 847) и некоторым другим. Начиная с «Разговора...» примечания стали доходить до читателя, стали фактом не только творческого процесса, но и самого текста; первые два опыта так и остались только художественными экспериментами. Но примечание, которое было опубликовано в первом издании «Разговора...», при последующих публикациях Пушкин снял: оно оказалось лишним, ибо проза и стих и так столкнулись и соединились в этом тексте. Финальная реплика Книгопродавца была написана строгой прозой¹⁹. Другой, тоже завершённый и доведенный до читателя опыт в этом роде — стихотворение «Послание Дельвигу» (1827), где проза уже разрывает стихотворный текст (III, 71 — 72; черновые варианты — III, 607 — 608)²⁰. Еще один — первая публикация стихотворения «Не знаю где, но не у нас...», которому в «Северных цветах на 1827 год» предшествовал прозаический текст. Поскольку рукописи текста не сохранились, и публикация в «Северных цветах» была единственной, постольку и печатать текст необходимо в его единстве, не разрывая прозу и стих на «окончательный текст» и «другие редакции и варианты»:

«Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным.

*Не знаю где, но не у нас,
 Достопочтенный лорд Мидас,
 С душой посредственной и низкой, —
 Чтоб не упасть дорогой склизкой,
 Ползком полез в известный чин
 И стал известный господин.
 Еще два слова о Мидасе:
 Он не хранил в своем запасе
 Глубоких замыслов и дум;
 Имел он не блестящий ум,
 Душой не слишком был отважен;
 Зато был сух, учтив и важен.
 Лъстецы героя моего,
 Не зная, как хвалить его,
 Провозгласить решились тонким, и пр.»*

(XI, 55 — 56; ср.: III, 453, 1053).

На этом фоне — в сочетании стиха и прозы — текст не выглядит

незаконченным. Хотя рифмы к последнему стиху нет, и он кончается на заметке «и пр.», — это «тонким и пр.» возвращает нас к началу: «Тонкость не доказывает еще ума». Кольцо замкнуто, создается единство текста, при отдельной же подаче стиха и прозы это единство, созданное самим Пушкиным, пропадает.

К этой же группе текстов следует отнести и стихотворение «Пора, мой друг, пора!..» (1835)²¹. Стихотворение известно в автографе, первая часть которого представляет собой стихотворное восьмистишие, а вторая называется в публикациях «план продолжения стихотворения»²². Однако беспристрастный анализ (особенно если учесть все приведенные выше материалы) заставляет нас рассматривать обе части — прозаическую и стихотворную — как единый текст, сила которого от совмещения двух речевых стихий только увеличивается:

*«Пора, мой друг, пора! [покоя] сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, задумал я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.*

Юность не имеет нужды в at home, зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу — тогда удались он домой.

О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть» (III, 330, 941).

Конечно, в прозаической части можно обнаружить свое ритмическое движение: каждый абзац — это строфа, состоящая из четырех ритмических рядов — стихов... Можно выяснить даже и принципы организации этой «метрической прозы». Но для историка, тем более публикатора, не в этом дело. Дело в том, что Пушкин здесь вполне сознательно создает новую художественную форму, весь эстетический эффект которой состоит в совмещении двух точек зрения — стихотворной и прозаической. Но если в предыдущих примерах такое совмещение было мотивировано буквальным переходом от поэзии-вымысла к прозе-жизни, то теперь внешняя немотивированность и даже «обратность» содержания и является эстетически значимой. Ведь стихотворный текст изображает

прозу жизни, а прозаический — поэтическую утопию будущего. Сознательность таких поисков Пушкина в драме («Борис Годунов») уже осмыслена всеми, сознательность их в повествовательных жанрах начинает осмысляться²³. Очевидно, в этом же русле должны мы осознать и лирику Пушкина.

Несколько отличается от этих примеров отрывок, из которого к «стихам» относится лишь одна строка «[Но вы во мне почтили годы]». Диалогическая форма чиновника — разговор Ст. <арого> Поэта с Юношей (III, 1056 — 1057) и надпись (вероятно, заголовок) «Пир поэтов» позволяют рассматривать весь фрагмент как имитацию древнегреческого симпозиона — пиршественного диалога, прерываемого стихотворными монологами. Один из таких симпозионов изображен Пушкиным в «Повести из римской жизни». Это наше предположение тем более вероятно, что описываемому тексту непосредственно предшествует текст стихотворения «Подражание Анакреону» («Кобылица молодая...»)²⁴. В этой связи данную строку «[Но вы во мне почтили годы]», которая даже не начинает всего текста, едва ли целесообразно обособлять от него, а текст сам следует скорее переносить в раздел драматических произведений.

Наконец, текст «Prologue», который в Полном собрании сочинений так и подан — в отдельном разделе «План ненаписанного стихотворения» [III, 475). Здесь помимо общетеоретических соображений, которые мы уже приводили, само совершенство и точность ритма опровергают всякую мысль о «плане». Не рассматривать ли этот текст как, конечно, незавершенный, но — не план, а черновик лирического

Я своими рассуждениями вовсе не хочу оспаривать термин «план». По большому счету, как ни называй, дело в ином. По большому счету, дело в том, чтобы правильно печатать и подавать тексты: незачеркнутые прозаические фрагменты в «Тавриде», в «Пора, мой друг, пора!..», в «Тонкость не доказывает еще ума...» должны быть перенесены из раздела «Другие редакции и варианты» в основной корпус. Только это сможет передать полноту мысли Пушкина, полноту его художественных поисков. Современные исследователи находят в литературе XX века и даже в XIX веке явления, которые называются «монтажем стиха и прозы»²⁵. Почему же мы, несмотря на очевидные факты, отказываем в этом Пушкину?

Конечно, он нашел эту форму не сразу. И сначала его прозаические фрагменты в стихотворных текстах были действительно планами («Наполеон», «<Вяземскому>»). Но он очень

скоро стал преодолевать эту тенденцию Сперва — по линии метризации прозаического текста («Таврида»), потом — по линии со — / противопоставления стиха и прозы Не все из написанного им в этой форме дошло до печатного станка, — так не наша ли задача завершить эту работу?

Цит по Зарубежная поэзия в русских переводах От Ломоносова до наших дней М, 1968 С 349 См также разделы «Поэзия и проза» в книгах Ю М Лотмана «Лекции по структуральной поэтике» (в кн Ю М Лотман и тартуско-московская семиотическая школа М, 1994 С 71—83), «Структура «дожественного текста» (М 1970 С 120—132), «Анализ поэтического текста Структура стиха» (Т 1972 С 23—33)

² См, например Орлицкий Ю Б Стих и проза в русской литературе Очерки истории и теории Воронеж, 1991

³ Временник Пушкинской комиссии Л, 1991 Вып 24

⁴ Там же С 10

⁵ Пушкин А С Полн собр соч В 16 т [Л], 1937 Т VI С 314, 346 Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте в скобках

⁶ См о планах Пушкина к его поэмам Благой Д От Кантемира до наших дней М, 1979 Т 2 С 24—47

⁷ Временник Пушкинской комиссии Вып 24 С 10

⁸ Рукою Пушкина Несобранные и неопубликованные тексты М, Л, 1935 С 162

⁹ Там же С 164

¹⁰ Пушкин А С Полн собр соч В 10 т Л 1977 Т III С 362, 472

¹¹ Тынянов Ю Н Пушкин и его современники М, 1969 С 160

¹² Эйхенбаум Б О прозе О поэзии Сб статей Л 1986 С 34

¹³ См об этом тексте Благой Д От Кантемира до наших дней Т 2 С 42 — 43

¹⁴ Ср также «программа стихотворения» (Фомичев С А Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832 Из текстологических наблюдений) // Пушкин Исследования и материалы Л, 1986 Т XII С 227

¹⁵ Ср письмо К Н Батюшкова к Н И Гнедичу от августа 1811 г о Шатобриане «Он < > испортил и голову и слог мой я уже готов был писать поэму в прозе, трагедию в прозе мадригалы в прозе, эпиграммы в прозе, в прозе поэтической Не читай Шатобриана!» — Батюшков К Н Сочинения В 2 т М, 1989 Т II С 178 Впрочем, Батюшков дает пример параллельного (стихотворного и прозаического) перевода фрагмента из Э Э Лантье «Дни наши как воды Пеня» («На крыльях улетают годы») — Там же С 11—12

¹⁶ Ср «Да лобзает меня лобзанием уст своих — Перси твой приятнее вина и запах мира твоего лучше всех аромат» (II, 974—975) и в «Песни Песней» «Да лобжет мя от лобзаний уст своих яко блага сосца твоя паче вина И воня мира твоего паче всех аромат» (1, 1)

¹⁷ См об этом эпиграфе Измайлов Н В Очерки творчества Пушкина Л, 1976 С 24, 95 (статья «Пушкин в работе над «Полтавой», 1937—1949) Нам неизвестны мотивы, на основании которых Н В Измайлов датировал набросок «То было вскоре после боя» 1835 г Но он, очевидно, не заметил его родственности «Полтаве», т к в своей работе о поэме он ничего не пишет об этом Это родство позволяет поставить его датировку фрагмента под сомнение и предложить датой 1828 г

¹⁸ Лотман Ю М Избранные статьи В 3 т Таллинн, 1992 Т II [статья «К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина Проблема авторских примечаний к тексту», 1970]

¹⁹ Характерно, что сам ритмический строй этой реплики Книгопродавца Пушкин нашел сразу же: «Вы совершенно правы; вот вам рукопись — условимтесь» — «Вы совершенно правы; вот вам моя рукопись — и так условим < ся >» (II, 846) — «Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся» (II, 330).

²⁰ Здесь уже принципиально важно, что первоначально прозаический текст Пушкин стремился передать стихами, но отказался от этой мысли. Согласно логике исследователей, которые видят в прозе план стихов, мы должны были бы эти первоначальные стихи рассматривать как план прозаического текста (см.: III, 606—607). Есть еще один достаточно сложный случай — стихотворение «Герой» (1830), где последняя реплика Друга «Утешься.....» имеет ямбическое (как и весь предшествующий текст) строение, хотя и не закончена. Но последующая за текстом дата «29 декабря 1830. Москва» (III, 253) имеет отчетливо прозаический характер. Поскольку известно, что «утешение» Поэта ждет в этой дате, — постольку и реплику Друга и дату следует читать как связанный текст: получается проза.

²¹ Датировка стихотворения 1835 г. обоснована в статье: Сайтанов В. А. Пушкин и Кольридж. 1835. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 2. С. 153—164; то же в кн.: Пути в неизвестное. М., 1986. С. 361—395.

²² Ср. также: «план стихотворения» (Левкович Я. Л. Стихотворение Пушкина «Не дай мне бог сойти с ума...» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. С. 181).

²³ См., например: Слина Э. Повесть А. С. Пушкина «Цезарь путешествовал...»: Соотношение поэзии и прозы // Проблемы современного пушкиноведения. Л., 1986.

²⁴ См.: Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838): История заполнения // Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. С. 242. Ср.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. III. С. 445 (прим. Б. В. Томашевского); Рукою Пушкина. С. 162.

²⁵ Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. С. 92 и след.

КОЛОМЕНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И
ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ**

Сборник научных трудов к семидесятипятилетию
Георгия Васильевича Краснова

Коломна
1996